

В. Ф. ЭРН

Налет валькирий

Ответ Н. А. Бердяеву

I

На славянофильство сыпятся нападки. Ему не могут простить ужасной вины: оно воскресает; больше того, воскресает в новых, неожиданных, не предвиденных критикой формах. Это вызывает пламенное негодование в самых различных людях, и, увы! — в негодовании этом *se touchent les extrémités* *: шестидесятник А. Кизеветтер встречается с самым авангардным мистиком Н. Бердяевым.

Гимназические аккорды меланхолических излияний шестидесятников не вызывают желания их разбирать. Гимназии созданы для того, чтобы их кончать, и работы засидевшихся гимназистов могут серьезно интересовать лишь гг. педагогов. Совсем иного характера выступление Н. Бердяева. Его большая статья «О вечно-бабьем в русской душе» — блестящий кавалерийский наезд¹. Но недаром Н. А. Бердяев стремится быть на самом высоком гребне самой передовой войны современности. Конь во плоти и оружие настоящее — для него уже *demode*, «*rompié*» **. Свой наезд он совершает в «духе», и все же в самом духе этого духа есть кавалерийский душок.

Прочитав книжку В. В. Розанова о войне², Н. А. Бердяев с гусарскою широтою жеста вызывает его «к телефону» и с места в карьер начинает на него кричать: «Вы, Василий Васильевич, — баба, настоящая русская баба, даже баба мистическая, вечная. Спору нет — вы талантливы, но ваша талантливость бабья, слышите, *бабья*. Вы — гениальный представитель той бабьей и

* Крайности сходятся (*фр.*). — А. Е.

** Вышедшее из моды, банальное (*фр.*). — А. Е.

рабьей России, которой я объявляю войну. Вы легкомысленны, вы влюбчивы, вы блудливы, вы обожаете силу, вы пресмыкаетесь перед властью — все из-за вашей бабьей природы. Я, Николай Бердяев, эту великую тайну вашу и тайну русской души разглашаю... всем читателям “Биржевых ведомостей”».

В. В. Розанов в ужасе бросает трубку, а Н. А. Бердяев вдогонку бросает загадочные слова:

«То же самое передайте трем остальным»...

С величайшим изумлением в числе «трех остальных» я увидел себя.

Н. А. Бердяев мне друг. Когда обо мне или о деле, которое я защищаю, пишут фантазии и небылицы³ наши ученые гимназисты, я обхожу их молчанием*. Но когда человек близкий, которому все прекрасно известно, в каком-то странном порыве мешает все шашки и опрокидывает стол, на котором ведется игра, с очевидною целью вызвать общественное недоверие к своим партнерам, употребляя при этом недопустимые методы заведомо ложных публицистических «равенств», тогда молчание становится невозможным. Дело требует во что бы то ни стало защиты; и, кроме того, если б на свое серьезное нападение Бердяев не получил никакого ответа, он мог бы, пожалуй, обидеться и решить, что и его причисляют к «гимназистам».

II

«Розанов, — говорит Бердяев, — не боится противоречий, потому что противоречий не боится биология, их боится лишь логика». Но боится ли логики сам Бердяев? И боится ли его логика тех нелогичностей, в коих бессильно бьется его собственная мысль? Если нет, тогда трудно что-нибудь возражать против него, но тогда и его выпады против «биологизма» Розанова окажутся висящими в воздухе, ибо и сам-то Бердяев окажется не очень горячим любителем логики. Если да, то логическая промывка его статьи вряд ли что-нибудь оставит от кавалерийской «лавы» его атакующих мыслей.

Атаку Бердяева лучше всего отбить «встречным боем» и первый удар контратаки направить на главную его силу. А главная его сила — в понятии вечно-бабьего. Это выражение своей остротой и силой в первый момент пленяет и покоряет. Однако оно вызывает и робкие недоумения. «Вечно-бабье»... —

* Например, многочисленные статьи в «Дне».

почему «вечно»? Неужели баба вечна в подлинном и серьезном смысле слова? Неужели Бердяев верит, что «бабье начало» воскреснет в конце концов и займет вечное место в горнем Иерусалиме? Что за вздор! Конечно, не верит и «вечностью» бабьего только «пугает». Однако мистику неповадно играть священными категориями и вместо тленно и преходяще бабьего говорить о «вечно» бабьем. Впрочем, ларчик открывается просто. Слово «вечно» Бердяев не выдумал. З. Н. Мережковская некогда изобрела категорию вечной женскости в отличие от вечной женственности⁴. «Женское» г-жи Мережковской Бердяев потенцировал в «бабье», но женская логика этого словосочетания осталась нетронутой в его мужественном мышлении, и вот в отряде его воинственных мыслей под мужеским одеянием мы встречаем «амазонку» со светлыми волосами. Однако маскарад совсем не так прост и невинен. «Словосочетание с женской логикой» таит в глубине ядовитую мысль. Повторите подряд много раз «вечно-бабье», и вы незаметно для себя начнете как-то компрометировать «вечно-женственное». Вечность того и другого этим ловким словесным маневром попадает в одну плоскость, и не то вы начинаете думать, что женскость так же вечна, как женственность, не то женственность так же преходяща, как женскость. Тленное мешается с нетленным, бессмертное со смертным, святое и Божье со стихийно-природным.

III

Но и со стихийно-природным Бердяев обошелся «по-свойски». Женское г-жи Мережковской он превратил в «бабье» с явной целью усилить и обострить выражение. Если «женское» вызывает пренебрежение, то «бабье» должно вызывать реакцию посильнее. «Бабье», по мысли Бердяева, это что-то чрезвычайно предосудительное, низменное, отрицательное. В тоне, каким произносится у Бердяева «вечно-бабье», явно слышна нотка презрения. Поход против «бабьего» ведется с гримасою отвращения. Так тренированные вегетарианцы относятся к мясу. Если в блеске этого отталкивания мы взглянем на лицо самого Бердяева, то мы мгновенно поймем, какая муха его кусает. Да ведь это — старая дворянская отчужденность от «мужицкого», от родной земли, старый барский трансцендентизм в отношении к народному телу. Баба, русская баба — полнорода русского с его болью, страданием, подвигом, молитвой, радостью и трудом, с его коренною связанностью с родимую, влаж-

ной почвою — для Бердяева только глина (почти что грязь), из которой ему хочется вылепить маску Горгоны, для того чтобы напугать ею своих современников. Стоны и великую муку русской земли, потаенную тоску «Лужиц», «Оврагов», которую с такою чуткостью изводят из-под покровов невидимости гениальные пальцы «русской бабы» А. С. Голубкиной⁵, Бердяев знать не хочет и ведать не желает со своих воздушных позиций.

Тут перед ним восстает дилемма: либо обижен Розанов, либо обижена русская баба. Если Розанов действительно выражает с гениальностью приписываемую ему Бердяевым русскую бабу, т. е. русскую душу в ее стихийности, хаотичности и мистичности (я этого не думаю), тогда многому нужно учиться у Розанова, прежде чем начинать его учить, его наставлять и его «публично сечь», особенно если под Розановым подразумеваются не его личные только грехи, а грехи *русской души*. Если же Розанов при всей талантливости, ему свойственной, с русской бабою все же *несоизмерим*, тогда вся мысль Бердяева о критике «вечно-бабьего» в русской душе через критику последней книги Розанова становится несерьезной, претенциозной.

IV

«Вечно-бабье» Бердяева при ближайшем рассмотрении является и *не вечным* в подлинном смысле, и *не бабьим*. То есть эффективный стержень его статьи при малейшем приближении к нему логики разбивается вдребезги. Оказывается, что не одна только биология Розанова, но и пневматология Бердяева с логикою не в ладах. И если сам Бердяев логику считает началом мужественным и светоносным, то его вражда с логикою становится поперек его притязаний на исключительную мужественность. А если Бердяев настаивает, что отсутствие логики есть признак дурной женскости в писательской физиономии Розанова, то мы должны ему на это сказать, что отсутствие логики в его высказываниях о «вечно-бабьем», по его же собственному принципу, свидетельствует, *что и у него насчет мужественности не все в порядке*. Быть может, в его отряде не одна амазонка, да и сам командир амазонских мыслей — не «Амазон» ли?

Этот вопрос чрезвычайно интересен. Рабью природу (по Бердяеву, «бабью») может носить не только биология, но и пневматология. И грехи против истинной мужественности возможны не только в планах биологических, но и в планах пневматоло-

гических. Бердяев все время корит Розанова за отсутствие силы духа, за то что Розанов слишком впечатлителен и пассивен в своем чувстве России и русского. Правда, есть грешок, и великий грешок, за Розановым. Слишком термометричен Василий Васильевич! На дворе ведро — и у него бодро; на дворе ненастье — и у него бездорожье. Хорошо видит Бердяев сучок в глазах у брата своего! Но ведь кроме планов земных есть планы воздушные, и в этих планах вихрями носится много насильников-демонов. Так ли уверен Бердяев, что по отношению к этим воздушным агентам он рыцарски мужествен, а не по-«женски» уступчив и оппортунистически покладлив? И не является ли он в своем роде пневматологическим Розановым?

V

Спора нет, мужественна *душа* Бердяева. Столь мужественна, что вчуже жалко его психею, задавленную и замученную. Без соку, без влаги, без красок его рассуждения. Чувствуются стоны психеи в его писаниях. И тем не менее душа не есть человек. Над душой господствует дух. И лишь дух придает настоящий чекан внутренней жизни. Мужествен ли у Бердяева *дух*? Противостоит ли активно воздушным течениям?

Бердяев упрекает Розанова за то, что тот революционерствует в годы революции, реакционерствует в годы реакции. А дух Бердяева? Разве он не колеблется и не сотрясается при каждом порыве ветра. Дует марксизм — Бердяев марксист. Стало спускаться с высот Достоевского и Соловьева веяние «идеализма» — Бердяев охватывается им. Мережковский поднял свою бурю в стакане воды, и вот в числе наэлектризованных им — Бердяев. Женственный дух Бердяева резонирует на *все* воздушные зовы. Он, как эхо, откликается на ницшеанство. Он отражает духовные бури Ибсена. Теперь он «вдохновляется» штейнерианством. Да ведь *весь* он состоит из преломлений, из пневматических заряджений, из мгновенных восторгов пред духами, которые попеременно или вместе овладевают пневмой его. Самая прелесть его писаний, их значительный интерес — только в их чуткости к воздушным веяниям, только в том, что в каждой новой статье Бердяева находится заражение либо последней, либо предпоследней новинкой воздушных сфер.

Дух Бердяева не только не мужественный, но исключительно, до односторонности, до бессилия женственный. Не ему упрекать Розанова. Розанов термометричен по отношению к близким,

непосредственно примыкающим к нему земным слоям. Много изумительного говорит он о тончайших колебаниях близлежащего «тепла и холода», впадая в чудовищные ошибки, о далеких краях, и особенно об онтологических глубинах земли. Бердяев же барометричен, хорошо отражая беспокойствие всяческих атмосфер и будучи в то же время совершенно глух к тихим речам звездных глубин. То и другое идет на потребу, если уметь пользоваться. Хорош чудесный термометр Розанова, недурен и барометр Бердяева. Смотреть, как скачет на нем стрелка,— и поучительно, и любопытно. Только нужно оставить сказку о мужественности, о рыцарственности и об активной силе барометров. Бердяев находится в величайшем заблуждении: его «дерзающее начало» (платоновское *thymoeides*) мужественно, вернее, амазоночно, его же «водительское начало» (*hegemonicon*) — послушный и бессильный рупор воздушных сил.

VI

Что же получается? Спор между Розановым и Бердяевым есть, в сущности, спор между *термометром и барометром*. Воздушная барометричность гордо с высот налетает на земную термометричность. И что всего любопытнее: один аспект женскости восстает на другой. Женскость духа вписывается в женскость психеи. В мирные и цветущие пределы розановского «женского царства», где, можно сказать, царит великолепная царица Савская, которая хранит в своей памяти много соломоновых слов, врывается отряд воздушных амазонок — валькирий, и бедному Василию Васильевичу остается покорно ждать, пока гордые девы уберутся восвояси и разрушения, произведенные ими, восстановятся сами собой.

Вот только странно что: ослепление «Амазона», стоящего во главе валькирий, — убивая мирных *женщин*, он неожиданно вскрикивает: «Смерть мужчинам!» Смерть солнечной мужественности православия. Розанов сопределен православию, но не есть православие. То, что говорит Бердяев о православии, нуждается прежде всего в артикуляции. Метод Мережковского, говоря о «Сириусе», лягнуть «Сирию» по какой-то случайнейшей, чисто женской ассоциации, применяется Бердяевым с кричащей нелогичностью. Синицей набега на Розанова не так-то легко зажечь православное море. Конфликт двух аспектов женского есть «спор славян между собою», и превратить его во

вселенский конфликт поистине трудновато. Словом, о православии Бердяев ничего существенного не сказал, и нам придется подождать, пока амазонки его передохнут после славной «победы» над Розановым и, запасшись хоть какими-нибудь боевыми средствами, попробуют атаковать вместе с другими воздушными силами православие. Тогда может выйти настоящий разговор о православии.

Теперь же нам остается сказать несколько слов *pro domo mea* и *pro domo nostra* *.

VII

Прикрываясь Розановым, Бердяев делает налет на православие. И всего непонятнее в его статье то, что, говоря о частных особенностях Розанова, он проецирует их на русскую душу и делает это с такою внезапною широтою «размаха», что сам опрокидывается от чрезмерного «маха». Нечего удивляться, что при таком «молодецком» ударе он задевает еще кое-кого в своей статье — не только русскую душу, но зараз еще и трех писателей. Когда-нибудь, быть может, Бердяев опубликует те скрытые соображения, которые заставили его в категорию розановской реакционности и «безыдейного», «бабьего» пресмыкания перед силой и властью — поместить неожиданно С. Н. Булгакова, Вяч. Иванова и меня. Очень интересно будет послушать, как, разоблачив тайну Розанова и русской души, он перейдет к разоблачению трех различных «тайн» С. Н. Булгакова, Вяч. Иванова и пишущего эти строки. Но пока что в качестве обоснования Бердяев приводит абсолютно ложное сообщение: «Все они, — говорится у него про только что названных лиц, — испытали от войны то, что Розанов испытал от вида конницы на улице. Огромной силе, силе национальной стихии земли, не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождаются опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри».

Я не буду ничего говорить за С. Н. Булгакова и Вяч. Иванова — они сами могут сказать, скажу только про себя: ничего подобного розановским чувствам от конницы я к жизни никогда не испытывал. Я прямо теряюсь в догадках: когда это светоносный дух Бердяева успел побывать в моей душе и осведомиться о том, чего в ней никогда не бывало? Поистине великую отва-

* В защиту себя и в защиту наших (лат.). — А. Е.

гу нужно иметь, чтобы полученные таким путем сведения оглашать с категоричностью прямого внутреннего знания.

«Все они испытали от войны»... Бедный читатель может подумать, что мы в самом деле «заславянофильствовали» от войны. Один оратор на недавнем собрании так и иронизировал насчет этого мнимого факта. Но Бердяеву неуместно заниматься такими вещами. Ему прекрасно известно, что три названных им писателя за много лет говорили то, что они говорят теперь. С. Н. Булгаков «славянофильствует» в «Двух градах» (1911), Вяч. Иванов свою замечательную лекцию о русской идее прочел в 1908 г. * Мои же позиции против германской культуры я занял в 1910 г. **

VIII

В заключение я не могу не сказать, что высоко ценимые мною барометрические свойства Бердяева, вообще говоря, отличные, в этой статье пропали куда-то бесследно. Так бывает с барометрами: рассчитанные на малые давления и на малые колебания, они начинают решительно «врать», когда попадают в неожиданные условия слишком больших давлений и слишком больших колебаний.

В то время как русская душа в титанической борьбе с колоссальными армиями трех государств являет один за другим величайшие подвиги беззаветного мужества и разверстывает в ослепительном напряжении светлую мощь и сталь солнечного духа своего, — в это время Бердяев вдруг находит уместным говорить о «вечно-бабьем в русской душе», т. е. на «свадьбе» о «похоронах» и даже больше: на сговоре о каких-то воздушных женишках.

По поднебесью много летает стихийных или даже люциферических («светоносных») духов, которые ищут русскую душу. «Гоголем» ходят, прихорашиваются, заклятьями заклинают. Все напрасно. У русской земли горнее обручение в афирных планах в глубине времен уже совершилось. Единый жених русской души — Христос, и свидетели этого — святые, тайные кормчие русской истории.

* По звездам. СПб., 1909. С. 309.

** См. книги: «Борьба за Логос» (1911) и «Г. С. Сковорода» (1912).